

«...»

Чжоу Сяолэ никак не ожидал, что Ван Гуйчжэнь даже перед всеми посмеет нести вздор и переворачивать чёрное с белым. Такое бесстыдство заставило его на миг остолбенеть, а потом он от злости даже рассмеялся.

Губы Чжоу Сяолэ дёрнулись, и на лице появилась насмешливая улыбка:

— Вы ведь моя старшая тётка, так почему сами первой порочите имя собственного племянника? К тому же Сюй Гуань, кажется, вам ничем не досадил. Зачем так клеветать на человека?

— Люди добрые, посмотрите! Я, не щадя своего старого лица, добиваюсь справедливости для Лэ-гэра, а он ещё и словами меня колет. Разве так разговаривают со старшими? А? Ещё и за чужака заступается. Ты, маленький гэр, тебе совесть вообще не нужна?

Ван Гуйчжэнь уже широко раскрыла рот и приготовилась завывать, но староста с силой кашлянул два раза и резко её оборвал. Он с предупреждением посмотрел на Ван Гуйчжэнь, затем повернулся к двум людям, стоявшим посреди родового храма, и сказал:

— Сюй Гуань, Лэ-гэр, вы говорите, что дело было на охоте. Был ли кто-то рядом, кто мог бы это подтвердить?

Увидев, что оба качают головами, староста продолжил:

— Значит, никто не знает, правда ли то, что только что сказал Лэ-гэр?

— Но ведь и доказать, что я сказал неправду, тоже никто не может, верно? — сказал Чжоу Сяолэ. — Это всего лишь кролик. Как по нему можно доказать, будто у нас с Сюй Гуанем есть тайная связь?

Чжоу Дэжун, до этого прятаящийся за Ван Гуйчжэнь и молчавший, испугался, что староста поддастся словам Чжоу Сяолэ, и не удержался:

— Ты уже принял от Сюй Гуаня половину кролика, и это ещё не тайная связь? Лэ-гэр, всё дошло до такого, а ты всё ещё упрямишься?

Чжоу Дэжун принял вид доброго старшего родственника, но именно его Чжоу Сяолэ презирал сильнее всего. Ван Гуйчжэнь хотя бы смела кричать впереди, а он, большой мужчина, только прятался за спиной и мутил воду. Теперь, раз Чжоу Дэжун сам вышел говорить, как раз можно было посчитаться и за прежнее падение в воду.

Чжоу Сяолэ прищурился и холодно фыркнул:

— Я упрямлюсь? Старший дядя, разве не ты лучше всех знаешь, почему я тогда упал в воду? Вы ведь хотите знать, почему я прежде упал в воду, так вот...

Чжоу Сяолэ ещё не договорил, как Чжоу Дэжун громко перебил его:

— Лэ-гэр! Не приплетай всякую ерунду!

— Дэжун, пусть говорит! — вовремя вмешался староста.

Староста тоже хотел знать, почему Чжоу Сяолэ упал в воду ниже по течению. Там всюду росла дикая трава, и семьи, у которых не было волов или лошадей, обычно без причины туда не ходили. И именно поэтому людей, поверивших, что Чжоу Сяолэ действительно упал там в воду и был спасён Сюй Гуанем, было немного; куда больше было тех, кто верил, что между ними есть тайная связь.

Чжоу Сяолэ видел, что Чжоу Дэжун совсем не паникует, и в душе удивился, но всё же сказал как есть:

— Я пошёл туда потому, что мой добрый старший дядя сказал мне: ниже по течению, на краю обрыва, растёт чудесное лекарство, способное вылечить мою старшую сестру. Поэтому я и пошёл туда собирать его, но оступился и упал в реку. К счастью, когда я тонул, меня спас Сюй Гуань. А теперь вы клеветеете на человека, который по доброте сердца спас жизнь. После такого кто ещё посмеет, рискуя собой, спасать людей?

Едва он договорил, как стоявший рядом Чжоу Чжицай расхохотался:

— Ха-ха-ха, Лэ-гэр, да ты слишком смешной! Если бы на том обрыве и правда росло лекарство от болезни твоей сестры, лекарь Чжоу давно бы всё собрал. Разве оно дождалось бы тебя? Уж если выдумываешь, выдумывай хоть правдоподобнее!

— Лэ-гэр ... — Сюй Гуань поднял глаза на Чжоу Сяолэ и, поколебавшись, сказал: — Лэ-гэр прежде был мал годами и довольно несмышлён... ему, конечно, было легко поверить таким словам...

Голос у Сюй Гуаня был негромкий, а дождь стучал по крыше так сильно, что легко заглушал его слова; да и никто особенно не слушал, что он сказал. Большинство охотнее верило словам Чжоу Чжицая, чем тому, что Чжоу Дэжун мог подговорить собственного племянника пойти на обрыв за травами. Хотя обычно никто не видел, чтобы Чжоу Дэжун хорошо относился к Чжоу Сяолэ и его сестре, жители деревни всё равно ни за что не верили, что он осмелился бы на дело, способное погубить человека. Именно поэтому Чжоу Дэжун и не паниковал.

Но другие могли не верить, а Цинь Сань-нян верила. Она часто помогала Чжоу Сяолэ с сестрой и давно видела, как ведёт себя семья Чжоу Дэжуна. Услышав слова Чжоу Сяолэ, она пришла в крайнее негодование, ткнула пальцем в Чжоу Дэжуна и выругалась:

— Ах ты, Чжоу Дэжун, человеком тебя назвать нельзя! Лэ-гэр и так у тебя дома пахал как корова и лошадь, а ты ещё решил погубить его?!

Едва Ван Гуйчжэнь увидела, что Цинь Сань-нян указывает пальцем на её мужчину и ругает его, как уже не смогла стерпеть. Она резко взмахнула рукой вперёд и тут же принялась браниться в ответ:

— Ах ты ослепшая вонючая баба! Каким это глазом ты увидела, что мой муж хотел кого-то убить? После смерти второго брата с женой, не говоря уж о милости нашей семьи, которая растила их с сестрой, вы ещё смеете плевать нам в лицо грязью и говорить, будто мы хотели ему навредить? Грех-то какой, грех! Вырастили неблагодарного волчонка! Ел наш рис, носил нашу одежду, а теперь, когда его обесчестили, наша семья из сил выбивается, справедливости для него добивается, а он не только благодарности не знает, так ещё и грязью нас поливает!

— Ел ваш рис? — на этих словах Цинь Сань-нян разозлилась ещё сильнее. — Рис, который ел Лэ-гэр, он сам своими руками вырастил! Кто сказал, что он ел ваш рис?

Прежний владелец тела хоть и был слабоумным, но сельскую работу выполнял без запинки. Этому его с детства, пока был жив отец, понемногу учил именно отец. И пусть прежний хозяин тела был глуповат, всё же он помнил, как делать эту работу, день за днём, шаг за шагом. И именно потому, что прежний хозяин тела не умел отказывать, каждый год во время полевых работ семья старшего дяди заставляла его выходить в поле. Причём не только на свои поля: управившись с ними, он должен был работать ещё и на полях старшего дяди. Рис, выращенный на земле его семьи, за вычетом налога, оставляли лишь малой частью - столько, чтобы брату с сестрой хватало на обычную еду, а большая часть уходила в дом старшего дяди.

Красиво называлось это так: «Я вместо второго брата ращу детей, значит, собранный рис, конечно, идёт в наш дом, в один котёл, всем вместе есть!»

А ели ли они действительно вместе - в деревне зрячие люди и так понимали. Только что с того, что понимали? Чужие семейные дела даже староста не мог слишком вмешиваться, тем более что Чжоу Сяолэ с сестрой за все эти годы всё-таки не умерли с голоду.

Теперь, когда Цинь Сань-нян сказала это вслух, деревенские, конечно, не поверили словам Ван Гуйчжэнь; но и в то, что Чжоу Дэжун хотел погубить человека, тоже не верили. Ведь это было серьёзное дело - за убийство платят жизнью. Кто осмелится на такое, да ещё против собственного племянника?

В душе Ван Гуйчжэнь струсила, но на лице её злость стала ещё сильнее, и она закричала:

— Ах ты вонючая баба, ты...

— Довольно! На что похож этот шум и крики? — староста увидел, что дело принимает дурной оборот, и, боясь, что Ван Гуйчжэнь с Цинь Сань-нян снова подерутся прямо в родовом храме, поспешно вышел вперёд и остановил их.

Староста сказал:

— Лэ-гэр, по этому делу у тебя есть свидетель?

Чжоу Сяолэ покачал головой:

— Нет.

— Тогда об этом деле нельзя говорить как о доказанном.

Даже если оно было - значит, его не было, подумал староста. Чжоу Сяолэ и сам понимал: одних его слов недостаточно, чтобы люди поверили, будто Чжоу Дэжун хотел ему навредить. Но по крайней мере у остальных останется это впечатление, и этого уже было достаточно.

Староста продолжил:

— Это дело на том и оставим. Вы тоже не смейте выходить и болтать всякую чушь, а то станете передавать из уст в уста и доведёте до посмешища.

Договорив, староста краем глаза взглянул на Чжоу Сяолэ. Увидев, что на его лице нет недовольства, он сразу немного успокоился.

Разумеется, староста не упустил и того, как Чжоу Дэжун на мгновение расслабился. В душе у него тут же появился ответ, но ради деревни он не хотел дальше цепляться за это дело. Сейчас важнее всего было понять, как восстановить доброе имя деревни. Снаружи уже ходили слухи, будто гэр из деревни Цяньлю совершил непристойный поступок. Исправить эту репутацию было легко: нужно лишь, чтобы Сюй Гуань и Чжоу Сяолэ поженились. Тогда всё, что раньше бурно обсуждали, можно будет представить так, будто Сюй Гуань и Чжоу Сяолэ уже давно были помолвлены; тайные встречи, конечно, тоже нехороши, но всё же их можно будет объяснить.

Староста спросил:

— Сюй Гуань, давно ты пришёл в нашу деревню?

— Ровно три месяца, — сказал Сюй Гуань.

— Три месяца... недолго, — староста опёрся обеими руками на посох. — Значит, ты неизбежно не знаешь некоторых деревенских правил. С древних времён брачное дело решали родители. Если же, не пройдя открытого пути, люди тайно вступают в нечистую связь, по правилам деревни их вычёркивают из родовой книги и изгоняют. Это правило тебе теперь понятно?

Сюй Гуань не удержался и тихо возразил:

— Между мной и Лэ-гэром не было никакой нечистой связи...

Староста махнул рукой, прерывая его:

— Даже если не говорить о том, что это некому доказать, половина кролика - несомненный факт. Это ты признаёшь?

Чжоу Сяолэ почувствовал, что что-то не так, и сказал:

— Староста, половина кролика ведь тоже не доказывает никакой нечистой связи.

Староста нахмурился и веско сказал:

— В некоторых семьях и с половиной свиной ноги уже можно приходить свататься, а тут у тебя половина кролика.

...Он забыл. В эту эпоху мясо было слишком важной вещью, а тем более половина дикого кролика: стоить она должна была дороже обычной свинины или курятины. В прошлой жизни Чжоу Сяолэ мог поесть крольчатины без всякого труда - пошёл и купил. По привычке он тогда думал только о том, что не хочет спорить с Сюй Гуанем туда-сюда и задерживаться перед выходом на торговлю, вот и взял эту половину кролика, не особенно размышляя, сколько она стоит.

И теперь из-за какой-то половины кролика придётся ставить на кон всю оставшуюся жизнь? Выражение лица Чжоу Сяолэ на миг почти треснуло.

Староста не стал разбираться, что думает Чжоу Сяолэ, и продолжил спрашивать:

— Сюй Гуань, признаёшь?

Сюй Гуань сжал губы и не ответил. Признать кролика - значит признать нечистую связь; в словах старосты, что явно, что скрыто, были одни ловушки, и Сюй Гуань не хотел признавать.

Он медленно покачал головой и тихо сказал:

— Кролика признаю, нечистую связь не признаю.

— Тогда пока не будем говорить о нечистой связи. Но то, что вы двое передавали друг другу вещи тайно, - факт. Вдобавок к прежнему падению в воду это уже повлияло на репутацию деревни. Раньше кое-какие пересуды поговорили бы и забыли, но из-за этой половины кролика сегодня старшая тётка Лэ-гэра потребовала открыть родовой храм, а раз так, придётся действовать по деревенским правилам: вычеркнуть из рода и изгнать из деревни.

— Сюй Гуань, ты не внесён в родовую книгу, только поселился в деревне, поэтому членом рода Чжоу не считаешься. Если не желаешь обручиться, я не стану тебя принуждать, но ради доброго имени деревни нам останется только попросить тебя искать другое место. А поступок Лэ-гэра не будет тянуть за собой его родных: вычеркнут только его одного, и деревню покинет только он. Если всё так, Сюй Гуань, ты готов обручиться?

Чжоу Сяолэ наконец понял, почему, когда он только пришёл в родовой храм, Сюй Гуань удивился его появлению. Оказывается, Сюй Гуань давно догадался: это собрание в родовом храме было устроено для него одного. Пока Чжоу Сяолэ не было на месте, под предлогом изгнания Чжоу Сяолэ из деревни заставить Сюй Гуаня согласиться на брак - вот в чём была настоящая цель этого собрания в родовом храме.

Чжоу Сяолэ угрожали, чтобы давить на Сюй Гуаня, делая ставку на его порядочность; выиграют или проиграют, в любом случае им было всё равно. Если Сюй Гуань согласится, принуждение к браку удастся, Чжоу Сяолэ выйдет замуж, а следующей станет Чжоу Цинцин; итогом будет то, что дом и поля окажутся захвачены.

Если Сюй Гуань не согласится, Чжоу Сяолэ уйдёт из деревни, Чжоу Цинцин наверняка уйдёт вместе с ним; итогом всё равно будет то, что дом и поля окажутся захвачены. А что будет с Сюй Гуанем - неважно: он всего лишь удобный человек для их замысла. Не Сюй Гуань, так кто-нибудь другой.

«Вот уж хороший расчёт...» — стиснув зубы, подумал Чжоу Сяолэ.

Сюй Гуань не знал, что думает Чжоу Сяолэ. Он какое-то время не отвечал, а потом повернулся и посмотрел на него. Чжоу Сяолэ как раз тоже взглянул в его сторону; в глазах у него ещё оставались не рассеявшиеся чувства. Он быстро опустил взгляд, а когда снова поднял глаза, уже вернул себе спокойствие.

— Ты...

Чжоу Сяолэ не успел договорить, как Сюй Гуань очень быстро и тихо сказал:

— Как ты решишь, так и будет. Мне всё подходит.

Чжоу Сяолэ замер, задумчиво посмотрел на него, затем кивнул и повернулся к старосте:

— Эту помолвку можно назначить, но у меня есть одно условие.

<http://bllate.org/book/17639/1664114>